

М. А. Буланакова

Брак и регламентация социальной жизни женщины в стюартовском обществе

В период раннего нового времени английское общество переживало значительные перемены в организации повседневной жизни, прежде всего это было связано с общекультурным поворотом к ценностям приватной жизни. Эти перемены диктовали особый интерес как к отдельной персоне, так и к институтам, организующим частное пространство человека.

В центре внимания данной статьи представления стюартовского общества о браке и толкование англичанами времени правления Стюартов (XVII век) статуса женщины в системе семейно-брачных отношений.

Официальная точка зрения по вопросам семьи и брака широко пропагандировалась англиканской церковью. Особое влияние на современников стюартовской эпохиоказал англиканский сборник Проповедей и наставлений, который впервые был издан в 1562 году для чтения в церковных приходах. При Стюартах он был переиздан для чтения в семьях [1].

Проповеди и наставления, связанные с представлениями о браке [2], закрепляли типичные патриархальные взгляды на природу матrimониальных отношений. Брак понимался как установленное Богом состояние, при котором мужчина и женщина живут совместно, во взаимопонимании, рождая потомство и тем самым избегая блуда. Брак трактовался как институт, освященный церковью, созданный с целью защитить человека от греха и дьявольских искушений.

Обязанности супругов в браке строго регламентировались. Муж был призван быть главой и покровителем семьи, а в своих поступках по отношению к супруге должен был руководствоваться умеренностью и терпением, а не тиранией, поскольку женщина "есть слабое создание, не наделенное силой и постоянством ума" [3] Понятие хорошая жена прочно связывалось с идеей подчинения своему супругу. Поскольку порядок семейной иерархии был призван воссоздавать идею верховенства Христа над церковью, то женская покорность воспринималась обществом и самой женщиной как ее естественный долг, на основании которого строился счастливый брак. Покорность мужу

воспринималась как особый порядок жизни, божественный дар, поскольку сила и авторитет мужа ограждали женщину от опасностей. Подчиняясь мужу, женщина подчинялась божественной воле. Однако муж не имел права злоупотреблять своей властью, принижать или бить свою жену, поскольку это влекло за собой величайший позор [4].

Томас Тейлор, известный протестантский проповедник, рассуждая о поведении мужа в браке, отмечал, что мужчина должен с достоинством принимать факт подчинения женщины и отвечать любовью на любовь. Любовь мужа, по мнению автора Комментариев на Послания Св. апостола Павла к Титу, заключается в том, что он заботится о наставлении своей жены на истинный путь и стремится управлять ее разумом, защищает ее от опасностей, обеспечивает, поддерживая потребности ее тела и духа, всячески облагораживая свою жену [5].

Значение брака и матrimониальных отношений в повседневной жизни людей закреплялось церковным таинством брака. Супружеские отношения освящались церковью, что означало их неразрывность. Теория сакральности брака, сложившаяся в средневековье, отражавшая неизменность мистического союза Христа и Церкви (мужа и жены), скрепляла брак и придавала ему в глазах общества черты постоянства и долговечности. В соответствии с этой теорией муж и жена представляют одно тело, об этом свидетельствует происхождение Евы из ребра Адама, единство супругов перед законом Бога и человека, их совместное проживание по обоюдному согласию, ведение единого хозяйства, рождение детей. Мужа и жену объединяет супружеская любовь, которая оберегается главой семьи [6].

При составлении брачного контракта была принята процедура подтверждения законности брачных намерений, когда будущий супруг заявлял в письменной форме о своем вступлении в брак. Подтверждением истинности намерений служили обращения к имени Бога и обязательства закрепить брачный союз церковной церемонией. В подобном подтверждении Джон Тренд, джентри из графства Эксон, писал 14 апреля 1698 года: "и этим заявлением обязуюсь перед Богом и с его ведома быть законным мужем мисс Елизабет Оливер, дочери мистера Фрэнсиса Оливера, джентри из Ланкестона графства Корнуэлл, и что я готов и желаю быть связанным с ней священным браком (Holy Matrimony), в соответствии с Ордонансом о церковной церемонии..." [7].

Признавая сакральный характер брака, современники стюартовской эпохи выделяли и материальные выгоды, и социальную целесообразность обеспечения прочности брачных отношений. Придерживаясь подобной точки зрения, анонимный автор “Поощрения брака” указывал на то, что брак - это институт, не только спасающий и очищающий христиан от плотского греха, но и несущий материальную выгоду как для каждой отдельной персоны, так и для государства.

Выгоды брака имеют ощутимые последствия, и прежде всего этот институт гарантирует рост численности населения, способствует укреплению государства. Брак благоприятствует сохранению потомства, росту богатств, предотвращает болезни, защищает нравы, способствует подъему производства [8].

Признавая представления об эмоциональных отношениях супругов, многие современники стюартовской эпохи полагали, что любовь и излишняя эмоциональная привязанность в браке приводят к необдуманным поступкам и разрушают основу брака - христианскую добродетель.

Жизненность брака определялась прагматическими целями, которые предполагал брачный договор. Богатое приданое – один из излюбленных сюжетов стюартовских авторов морализаторских трактатов. Советы сыновьям и друзьям изобилуют замечаниями о достоинствах женитьбы на богатой невесте. Расчет в браке для мужчины необходим. Если же материальная выгода отсутствует, то брак будет несчастен, поскольку бедность отвратительно воздействует на самых добродетельных жен [9].

Добротель и красота - общепризнанные оценки при выборе супруги. Однако любовь и уважение к будущей матери своих детей следует укреплять сведениями о ее богатствах и владениях. “Нет наиболее законных оснований для выбора жены, чем увеличение или укрепление собственных владений” [10]. Брак позволяет упрочить материальные позиции семьи мужа, поскольку он “является главой женщины и все, чем она владеет, принадлежит ему” [11]. Уолтер Рэли советует сыну позаботиться о выборе как красивой, так и богатой невесты, поскольку привлекательность, которую наследует дети, возможно, станет их единственным богатством, в случае если родители более ничего им не оставят. Не менее важны богатства и приданое жены, поскольку красавая, но бедная жена, несомненно, приведет к упадку богатств и владений [12].

Нормативные представления о выборе жены широко освещались литературной традицией второго эшелона. В дешевой печати выходили сборники, включавшие разнообразные фривольные тексты, анекдоты, в том числе и матrimониальные истории. На вопрос о том, какую женщину следует выбирать в жены, один из подобных сборников в качестве ответа предлагает мудрость древних: “Она должна быть богатой настолько, чтобы достойно угощать тебя; знатной настолько, чтобы представлять тебя с достоинством в мире; юной, чтобы служить тебе; целомудренной, чтобы доверять тебе и быть искренней по отношению к тебе” [13].

В ходе брачных переговоров между семьями жениха и невесты обсуждались доли участия семей в создании нового хозяйства, специально оговаривалось приданое невесты и “вдовья часть” наследства. С точки зрения семьи мужа брак мог рассматриваться как статья дохода и своеобразный резерв для решения текущих финансовых проблем семьи. Семья же невесты была заинтересована в обеспечении материальных позиций дочери при жизни мужа и в случае ее вдовства.

По общему праву приданое становилось абсолютной собственностью мужа и он сохранял за собой эту собственность, что бы ни случилось [14]. Размеры приданого были реальным ограничителем в брачной политике, по стандартам эпохи приданое в 5000 ф.ст. было более чем скромно, а приданое в 10.000 – 20.000 ф.ст. в начале XVII века делало возможным брак с герцогом или наследником герцогского титула [15]. Соглашение о вдовьей доле, как правило, составлялось до заключения брака. “Жена была застрахована на время ее брака доходом, который она могла получать после смерти мужа, во время брачных переговоров устанавливался общий размер дохода... Вдовья доля не могла быть сокращена без согласия жены или капитализирована и была защищена от любых посягательств со стороны супруга” [16].

В случае добросердечных отношений между супружами и при условии, если муж находил свою жену добродетельной, он мог выделить в ее распоряжение часть своих владений на срок жизни.

Вопрос брака для молодой женщины решался односторонне, она практически не имела возможности осуществить самостоятельный выбор, поскольку право следовать своим желаниям в полной мере было доступно лишь мужчинам. Однако в большинстве случаев право

брачного выбора оставалось не за женихом и невестой, а их родителями или опекунами [17]. Все, на что девушке оставалось надеяться и молиться, “это мудрый муж, который не позволит ощутить тяжести своего авторитета и сумеет вознаградить женщину заботой и теплом в такой мере, что она никогда не будет стремиться к власти...” [18].

Суждения об идеальной супружке частично позволяют рассмотреть представления о социальных функциях женщины, присущие стюартовской эпохе. Основная цель рассуждений о хорошей жене - укрепить патриархальные взгляды в толковании женского образа, предупредить возможные ошибки молодых людей при вступлении в брак.

В браке каждая замужняя женщина должна познать характер супруга и умело приспособиться к его особенностям. Женщина должна понимать желания мужа и предотвращать его дурные поступки. Маркиз Галифакс представляет для молодых женщин целую панораму мужских характеров, подчеркивая, что недостатки мужа не должны огорчать женщину, поскольку муж без изъянов в характере представляет собой особую опасность для спокойствия супруги, поскольку такой хозяин будет стремиться установить тотальный контроль в домашних делах, может подвергнуть сомнению добродетель самой хозяйки дома [19].

С точки зрения М.Эстел, женщина, имея благоразумие и руководствуясь осмотрительностью, способна предотвратить домашние непорядицы, а поскольку “плохой муж может лишить женщину спокойствия и достойной жизни, ей необходимо проявить всю свою добродетель, терпение и духовную стойкость” [20]. Долг женщины в браке отказаться от собственной пользы и выгоды во многом.

Добродетельная жена - известный патриархальный образ, который нередко воспроизводится в морализаторских сочинениях раннего нового времени. Основной акцент в подобных текстах делается на то, что женщина должна воспринимать свое положение с благодарностью за то покровительство, которое ей оказывает супруг. “Женское счастье состоит в том, чтобы слушать, восхищаться и восхвалять мужей, а не стремиться разделить их авторитет...” [21]. Полностью полагая себя во власти мужа, женщина отказывается от всего, что ей было дорого, своих друзей, семьи, разделяет его интересы и следует его судьбе [22].

Признанной сферой женского влияния было домашнее хозяйство. Женщина занима-

лась организацией хозяйства, заботилась о поддержании порядка в доме, контролировала деятельность домашней прислуги. Повседневная жизнь посвящалась заботам о муже и детях.

По отношению к дому мужчина и женщина несли взаимную ответственность: “предназначение мужа заключается в том, чтобы обеспечить дом всем необходимым, жена обязана все это оберегать; обязанность мужа покидать дом в поисках пользы для хозяйства, жена обязана дожидаться мужа, оставаясь дома...; муж должен обеспечивать семью деньгами, жена разумно тратить их; исключительно мужчина должен вести дела и заключать сделки с чужими людьми, жена же не должна соваться в чужие дела...; обязанность мужа быть господином во всем, обязанность жены - подчиняться во всем..., говоря в целом, - роль мужа в том, чтобы обеспечить семью достойными средствами проживания, а предназначение жены - хорошо управлять домашним хозяйством” [23].

Ограничение социальной активности женщин кругом домашних дел было обычным явлением для современников стюартовской эпохи. И если маркиз Галифакс, рассуждая об английских леди, полагал, что женщина не должна полностью подчинять свою жизнь решению хозяйственных вопросов или воспитанию детей [24], то Уильям Гау, автор известного трактата “Хозяйственные обязанности”, адресованного широкой протестантской аудитории, считал, что процветание домашнего хозяйства является единственной значимой задачей женщины [25]. Томас Тейлор называл хозяйственную и умение вести домашние дела в ряду качеств идеальной жены [26]. Женский опыт сознательно ограничивался рамками домашнего хозяйства, при этом границы дома становились границами социального пространства женщины.

Однако патриархальная традиция связывала социальную активность женщины не только с хозяйственной деятельностью, но и значительное внимание уделяла роли женщины в воспитании детей. Обязанности матери слагались из повседневной заботы о духовных и физических потребностях детей. Первейшей обязанностью матери Томас Тейлор считал кормление младенца грудью, отказ же от кормления - есть не только неестественная, но и безбожная практика. Вторая не менее важная задача матери - воспитание детей в послушании и набожности, прежде всего за счет личного примера и ежедневных наставлений о необходимости преданного служения Богу. Мать обязана сооб-

разно возрасту ребенка и с наибольшей любезностью управлять своим ребенком, обучить его молитвам и умению подчиняться власти старших [27]. Уильям Гау указывал на то, что женщины обязаны ежедневно читать для детей Библию и учить их тому же [28]. В вопросах воспитания и образования детей больший приоритет имели отцы, обладающие широким патриархальным авторитетом и способные выступать как воспитатели и наставники духовного развития своих детей.

Социальная мотивация женской субординированности в браке сводилась к доказательству природной женской слабости, и не только физической, но и интеллектуальной. Женщина, обладавшая лишь элементарными знаниями, позволявшими ей участвовать в хозяйственной жизни семьи, не имела возможностей реализовать себя иначе как в роли жены, хозяйки дома, матери. Единственным способом демонстрации лучших качеств женской природы считалось признание со стороны женщины ее зависимого положения и служение в браке своему мужу. При этом для женщин было необходимым принимать подобное положение как свой христианский долг.

Культурный стереотип мужа - господина и покровителя, представителя превосходного пола, наделенного всеми достоинствами и превосходными качествами, подкреплялся религиозными и легитимными формулами патриархального господства мужчины. Указание в общем праве на то, что муж и жена представляют одну персону, имело не только юридические следствия. Эта формула локализовала социальное пространство женщины и ограничивала ее социальные функции.

Размышления современников стюартовской эпохи о состоянии и назначении брака неизбежно приводили к противоречию, связанному с объяснением статуса женщины в системе патриархальных отношений, когда подчиненное положение женщины объяснялось библейской традицией, физиологическими особенностями женского пола.

Брак трактовался как институт, позволяющий идеально устроить отношения мужчины и женщины, выделялся как та единственная среда, в которой женщина сумеет изучить природу своего подчинения и принять патриархальную модель отношений.

Литература

1. Certain sermons or homilies. Appointed to be read in Churches in the time of Queen Elisabeth of Famous memory undreprinted for the use of Private Families. London, 1687.
2. A Sermon against whoredom and uncleanness / Certain sermons or homilies...Pp.119-137.
3. An Homily of State Matrimony / Certain sermons or homilies...Pp.530-545.
4. An Homily of State Matrimony / Certain sermons or homilies ...P.530, 533.
5. Ibid. P.538-540.
6. Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. Pp.380-381.
7. Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. Pp.377-380.
8. D. & C. Exeter MSS. 4226/ 1/3.
9. Marriage Promoted in a Discourse of its Ancient and Modern Practice, both under Heaven and Christian Common-Wealth. London, 1690. Pp.30-31.
10. Osborn, F., Advice to a Son, or Directions for your better Conduct through the various and most important Encounters of this life. Oxford, 1656. P. 65, 67.
11. Two Essays of Love and Marriage. Being a Letter written by a Gentleman to his Friend, to dissuade him from Love...London, 1657. P. 13, 15.
12. Finch, H. Law, or Discourse thereof in 4 books. London, 1627. P.42.
13. Raleigh, W. Maxims of State...London, 1656. P.85.
14. Miscellanea Anglicana. Jena, 1713. P.68.
15. Habakkuk, J. Marriage, Debt and the Estates System: English Landownership 1650-1950. Oxford, 1994. P.172.
16. Ibid. P.165.
17. Ibid. P.81.
18. Stone, L. The Family, Sex, and Marriage in England 1500-1800. London, 1979. P.127-136; Stone, L. The Crises of aristocracy... Oxf., 1965. Pp.594-599.
19. The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter...P.60.
20. The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter...P.40-41.
21. Asteil, M., Reflection upon Marriage. L., 1706. 3d ed. P.6.
22. Ibid. P.55-56.

23. Ibid. P.43.
24. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P.43-44.
25. The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter...P.76.
26. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P.41.
27. Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. P. 382.
28. Ibid. P.382.
29. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P. 40.

А. В. Азов

Психологический тип лжемессии: святость во грехе

Либертинская установка этического анархизма, одно из следствий гностического мифа, в условиях критики культурного проекта Просвещения в современном мире усиливает свою действенность среди радикально настроенной части интеллектуальной элиты. Отсюда интерес к фигурам лжемессий, которые своим ритуально освященным парадоксальным, святотатственным поведением намеренно разрушали общественную нравственность. Среди них зловещим обаянием выделяется лидер мистической иудейской секты «христианствующих» Яков Франк (1726 – 1791). Еврейская мистика – Каббала, а также история франкизма достаточно хорошо изучены. Наша задача: попытаться прояснить психологический феномен Франка по его пророческим речениям из так называемой «Книги слов Господних» в сочетании с фактами его биографии.

В униженной и бесправной, ждущей чуда социальной среде «штетла», в пьянящей мистической атмосфере еврейского галута (изгнания) в Подолии и на Волыни получает откровение свыше безобразный персонаж, которому присущи: властолюбие, корыстолюбие, гипертро-

фированный эротизм, лживость и предательство. Свои слуховые и зрительные галлюцинации он объявляет подлежащими безусловному исполнению в направленной вовне деятельности по созданию общины своих приверженцев, открыто нарушающих предписания иудейского религиозного законодательства (галахи) с целью духовного освобождения и спасения (гэула).

Спектр оценок личности Франка варьируется: от патологического мистификатора и криминального авантюриста, играющего роль машиаха (messии), – до озаренного мистика – спиритуала, желающего восстановить истинный иудаизм единственно возможным путем антиномизма.

Кто же он на самом деле? Лжемессия возвещал низведенное до него в форме видений и голосов откровение. Он утверждал свою избранность Богом как простолюдина, хотя происходил из семьи раввина – саббатианца. Франк говорил своим последователям: «Я вам покажу Бога, ибо у меня есть сила и власть, и меня Бог выбрал»; «Видите перед собой простака – и отсюда можете заключить, что через меня падут все законы и все науки. Если бы нужны были учёные – то послали бы такого, который все знает» [1]. Таким образом, ересиарх проповедовал конец эпохи раввинистической учености «мудрецов» ортодоксального иудаизма, которых Талмуд ставил выше безумных лжепророков [2].

Франк учил видеть в своих речениях мудрость под покровом глупости: «Неужели я, пришедший, чтобы повести вас к вере, буду говорить пустые слова? Было вам понять, что в тех глупостях скрывается мудрость. Снаружи оно (то растение) покажется ядовитым, а внутри вы найдете растение жизни» [3]. Таким образом, франкизм – это ярко выраженная «плебейская» ересь, возвышающая бедных в духе.

Глава секты заранее оправдывал в глазах адептов свои странные и парадоксальные, с точки зрения обыденного сознания и общепринятой морали, поступки: «Если вы даже увидите, что я совершаю странные поступки; делаю ребячества, глупости или лгу – то вы должны все это переносить и слушаться меня, а не отвергать свое сердце, ибо все то есть добродетель и твердость» [4].

Франк требовал от своих «братьев» и «сестер» безусловного, полного повиновения и самоотверженности в критических ситуациях: «Придет час, когда вам покажется, будто я чего-то боюсь, ибо мне придется таким притво-